

ПЕРЕВОД ЛИЧНОГО ПИСЬМА
16-ого февраля 1986 г.

Уважаемый Г-н Генеральный Секретарь!

Ваше письмо от 24 декабря прошлого года вызвало серьезные размышления, и я хотел бы поделиться с Вами своими ответными мыслями. Конечно, я также получил и Ваше письмо от 14 января с.г., и вскоре отвечу на него. Однако, так как суть последнего уже широко известна, я считаю, что целесообразно вести нашу частную переписку отдельно. Хотя вопросы частично совпадают, я надеюсь, что наша частная переписка может уточнить наше отношение к некоторым основным вопросам.

Я согласен с Вами, что нам нужно определить конкретную программу мер, ведущую к постоянному и, я надеюсь, резкому улучшению американо-советских отношений. Я указал на две таких области в моем предыдущем письме, и я надеюсь, что мы сможем определить и другие, по которым в ближайшее время можно будет продвинуться вперед. Например, отпадают, по видимому, некоторые из препятствий к соглашению по ракетам промежуточной дальности. Я также надеюсь, что можно будет быстро продвинуться вперед к достижению соглашения относительно режима контроля, позволяющего всеобщий запрет химического оружия.

В отношении сокращения вооружений вообще, я согласен с Вами, что мы должны принимать решения не на основе заверений и намерений, а с учетом возможностей обеих сторон. Однако, я не понимаю, почему Вы приходите к заключению, что только та страна, которая готовится к первому (безоруживающему) удару заинтересована в обороне против баллистических ракет. Если такая оборона окажется возможной в будущем, то она могла бы способствовать дальнейшему сокращению ядерного оружия, потому что она создала бы уверенность, что национальную безопасность можно обеспечить без ядерного оружия.

Конечно, как я говорил раньше, я понимаю, что добавление оборонительных средств к арсеналу, в котором уже большое количество оружия, имеющего способность нанести первый (безоруживающий) удар может в определенных условиях быть дестабилизирующим. Поэтому мы предлагаем, чтобы обе стороны сначала сосредоточили внимание на сокращении тех вооружений, которые могут быть использованы для нанесения первого

(безоружающего) удара. Совершенно ясно, что если ни одна из наших стран не располагает силами, способными нанести первый удар, ни одна, ни другая не должна бояться, что оборона против баллистических ракет создаст возможность стратегии первого удара.

Я также не понимаю Ваше утверждение, что то, что Вы называете "космическим ударным оружием" — "универсальное" оружие. На сколько я понимаю, средства направленной энергии и кинетическое оружие, исследуемые обеими нашими странами в контексте противоракетной обороны были бы наиболее эффективными против точечных целей, движущихся с большой скоростью в космосе. Их трудно было бы применить для массового уничтожения на земле, и если имелись бы планы поражения земных объектов из космоса, не представляется разумным прибегать к такому дорогостоящему и необыкновенному оружию. Его поражающая способность никогда не приблизится к поражающей способности тех ядерных вооружений, которыми мы сегодня располагаем. Самая важная проблема, стоящая перед нами, это проблема ядерного оружия.

Г-н Генеральный Секретарь: в духе откровенности, необходимой для настоящего разговора, я хотел бы добавить еще одно. Вы часто говорите о "космическом ударном оружии" и Ваши представители определили его как оружие, способное поражать объекты в космосе с земли и из ее атмосферы, а также оружие в космосе, способное поражать объекты в космосе или на земле. Я должен спросить—"какая страна имеет такое оружие?" Только одна — Советский Союз. Ваша система ПРО, развернутая вокруг Москвы, может поражать цели за пределами атмосферы, и она была испытана с такой целью. Ваше коорбитальное противоспутниковое оружие предназначено для уничтожения спутников. Кроме того, Советский Союз начал исследовать оборонительные средства, применяющие направленную энергию до того, как Соединенные Штаты начали такие исследования и, повидимому, значительно продвинулся вперед в исследовании (и, кстате, с некоторым испытанием вне лабораторий) лазеров и других форм направленной энергии.

Я не указываю на это как упрек и не хочу сказать, что это нарушает соглашения. Но если бы мы следовали Вашей логике в том плане, что то, что Вы называете "космическим ударным оружием" создается только страной, готовящейся к первому удару, что бы мы думали? Мы видим, что Советский Союз использует огромные средства на оборону, и что он это начал за много лет до того, как мы это начали. И мы видим, что Советский Союз создал гораздо больше

вооружений безоруживающего удара, чем мы. Если оборонительное оружие создается только для того, чтобы сделать возможным первый (безоруживающий) удар, то нам безусловно нужно было бы еще больше беспокоиться, чем мы беспокоимся сейчас.

Мы обеспокоены, очень обеспокоены. Но не из-за того, что Вы создаете (и, в отличие от нас, развертываете) оборонительное оружие. Мы обеспокоены тем, что почему-то Советский Союз решил развернуть гораздо больше вооружений, способных нанести первый (безоруживающий) удар, чем Соединенные Штаты. На это могут быть причины, помимо стремления к приобретению преимущества в плане первого удара, но нам тоже надо смотреть на возможности, а не на намерения. И дело в том, что мы уверены, что у вас преимущество в этой области.

Откровенно говоря, Вы неправильно информированы если Ваши специалисты говорят, что ракеты на наших подводных лодках типа "Трайдент" могут поражать защищенные ракетные шахты (а Ваши ракеты СС-18 определенно могут это сделать). Настоящие ракеты типа "Трайдент" не имеют такой способности. Они могут быть использованы только для ответного удара. И ракета Першинг-2, которая не может даже достичь большинства советских стратегических вооружений также не имеет способности нанести первый удар. Ее короткое время полета не отличается существенно от более мощных советских ракет СС-20 (которых гораздо больше), направленных на наших европейских союзников, которых мы обязались защищать, и большинство которых не располагают своими собственными ядерными силами. В настоящее время у нас очень ограниченная способность поражать советские шахты, и мы улучшаем эту способность только потому, что мы не можем смириться с тем, что у Советского Союза такое явное преимущество в области оружия безоруживающего удара. Даже если нам придется завершить все планы развертывания вооружений в отсутствие соглашения, ограничивающего такое развертывание, их не будет столько, как советских вооружений, обладающих способностью первого удара.

Если мнение наших военных специалистов не совпадают относительно возможностей, которыми обладают вооружения другой стороны, тогда нам безусловно следует договориться о том, чтобы они встретились и обсудили то, что их беспокоит. Откровенное обсуждение их соответствующих оценок и лежащих в их основе причин возможно могло бы прояснить любые ошибочные представления, которые не основаны на фактах.

Во всяком случае, мы оба согласились о принципе пятидесятипроцентного сокращения ядерного оружия. Осуществление этого соглашения должно быть первоочередной задачей наших представителей в Женеве. Я хочу снова подчеркнуть, что мы готовы, как и раньше, сократить те средства, которые Советский Союз считает угрожающими, если Советский Союз сократит средства, создающие особую угрозу Соединенным Штатам и их союзникам. Наши предложения в ноябре содержали существенный сдвиг с нашей стороны в этом направлении и были значительным шагом навстречу Вам. Я надеюсь, что Ваши представители на переговорах будут уполномочены ответить на эти предложения как можно скорее и вместе с нами приступить к определению того, какие стратегические средства следует сократить на 50 процентов.

В отношении оборонительных средств, я хочу повторить то, что я писал раньше: если Вы обеспокоены, что такие средства могут быть использованы для создания стратегии первого удара или в качестве прикрытия для базирования оружия массового уничтожения в космосе, то должны существовать практические пути к предотвращению таких возможностей. Конечно, я имею в виду не общие заверения, а конкретные, подлежащие контролю меры, на которые обе стороны могут положиться для избежания таких возможностей, ни одна из которых не входит в стратегию или планы США. Я действительно уверен, что мы сможем найти решение этой проблемы если мы к ней подойдем конкретно, а не будем вести дискуссию только в общем плане.

Мне очень хотелось бы к нашей следующей встрече найти подход к решению этой проблемы, приемлемый для нас обоих. Но мне кажется, что это потребует двух вещей: ускорения переговоров с целью достижения договоренности о том, как сократить наступательные вооружения на 50 процентов, и обсуждения конкретных путей, гарантирующих, что любое создание в будущем оборонительных средств не может быть использовано как прикрытия для стратегии первого удара или для базирования оружия массового уничтожения в космосе. Помимо этих более крупных вопросов я считаю, что Ваше недавнее предложение приближает нас к разрешению вопроса ракет промежуточной дальности и улучшает перспективы согласования эффективных мер контроля в нескольких областях.

В отношении региональных конфликтов, я вижу, что несовместимы объяснения наших сторон о причинах этих конфликтов. Мне кажется,

что нет смысла продолжать дискуссию тех вопросов, по которым у нас обязательно будут разногласия. Вместо этого, я предлагаю просто посмотреть на нынешнюю обстановку с практической точки зрения. Это выявило бы два очень важных момента. Советский Союз участвует в войне в чужой стране, а Соединенные Штаты этого не делают. Кроме того, эта война вряд ли принесет выгоду Советскому Союзу. Так почему же она продолжается?

Не из-за Соединенных Штатов. Если бы мы даже этого хотели, у нас не было бы сил заставить сотни тысяч людей воевать против хорошо подготовленных иностранных войск, имеющих самое современное оружие. Ни мы, ни любая другая страна, кроме Советского Союза, не имеют возможности положить конец этой войне. Ведь кто может сказать народу другой страны не воевать за свое отечество, за свою независимость и национальное достоинство?

Я надеюсь, что, как Вы говорите, существует открытая дверь к справедливому политическому урегулированию. Мы, конечно, поддерживаем переговоры в рамках ООН и надеемся, что они пойдут по практическому и реальному пути. Однако, в 1985 году военные операции стали более напряженными. Я могу лишь надеяться, что это не будет продолжаться и в будущем. Как я говорил и раньше, если Вы действительно хотите вывести войска из Афганистана, я буду оказывать Вам всякое разумное содействие. У нас нет ни желания, ни намерения использовать вывод советских войск из Афганистана во вред советским интересам. Но ясно, что война кончится только если будут выведены советские войска, афганские беженцы вернутся в свою страну, и будет восстановлено действительно суверенное, неприсоединившееся государство. Такой исход немедленно имел бы положительное влияние на американо-советские отношения и помог бы открыть дорогу для продвижения вперед во многих других областях.

Проблема участия сверхдержав в локальных вооруженных конфликтах не ограничена, конечно, трагическим конфликтом в Афганистане. И я должен откровенно сказать, что некоторые недавние шаги Вашего правительства весьма не обнадеживающие. Как нам рассматривать ваше резкое увеличение военной поддержки местного диктатора, который объявил войну терроризмом против многих других стран мира, и в частности против США? Как можно в свете таких шагов серьезно относиться к заявлениям о том, что Советский Союз против терроризма? И что более важно, должны ли мы заключить, что Советский Союз так безответственно хочет

расширить свое влияние в мире, что он готов на то, чтобы его престиж (и даже жизнь некоторых из его граждан) зависели от поведения неуравновешенного местного деспота?

Вы высказали обвинения в отношении американской политики, с которыми я не могу согласиться. Однако, мне здесь хочется не спорить а искать выход из повторяющейся схемы событий, где вооруженные силы одной из наших стран участвуют в локальных конфликтах и тем самым вызывают реакцию другой стороны. Таким образом, то, что должно иметь чисто локальный интерес, становится областью конфронтации между США и СССР. Как я говорил, мы считаем, что Советский Союз действует здесь несдержанно. А Вы говорите, что США так действуют.

Но, чтобы найти решение, не нужно приходить к единому мнению о том, кто виноват. Я хочу сказать, что нам нужно найти путь, как прекратить прямую и косвенную военную поддержку нашими странами сторон этих конфликтов, и не распространять такую поддержку на новые районы. На это направлено то предложение, которое я сделал в прошлом октябре. Давайте будем поощрять стороны в этих конфликтах начать переговоры, направленные на нахождение политических решений, а наши страны будут поддерживать этот процесс, согласившись прекратить поток оружия и военных материалов в район конфликта.

Г-н Генеральный Секретарь – остаются многие вопросы, по которым мы все еще не согласны, и наверно по некоторым из них мы никогда не согласимся. Однако, я убежден, что критически важные вопросы можно решить, если мы правильно к ним подойдем. Мне кажется, что мы постепенно находим некоторые дополнительные вопросы, по которым мы можем согласиться и я надеюсь, что направив усилия на достижение практических решений, мы сможем дать толчок этому процессу.

Но нам нужно ускорить ход переговоров если мы хотим этого добиться. Так что я надеюсь, что Вы дадите указания Вашим делегациям в Женеве, как я дал указания нашим, засучить рукава и серьезно приняться за работу.

Когда Вы обнародовали мысли, содержащиеся в Вашем письме от 14 января, я заявил, что их приветствую. Мы вскоре завершим изучение этого письма, и тогда я отвечу конкретно на те вопросы, которые Вы там подняли.

Прошу Вас и Вашу супругу принять от нас с Нэнси наилучшие пожелания.

Искренне Ваш,

Рональд Рейган